

Русское Эльдorado, или Гудбай, Америка...

Павел Малов

2025-03-26

Contents

Русское Эльдorado, или Гудбай, Америка...	1
Павел Малов	

Русское Эльдorado, или Гудбай, Америка...

Историческая повесть

1

...На каждой постановке «Сильфиды» царская ложа в Большом театре блистала от собрания шумной придворной челяди, мешавшей петербургской публике наслаждаться любимым балетом. Александр то и дело сердито шикал на самых ретивых, не отрывая золотого лорнета, инкрустированного драгоценными камнями, от прищуренных, подслеповатых глаз. Взгляд его страстно устремлён на сцену, где играла главную партию известная балерина Зинаида Кубаева, к коей, как подозревали все, за исключением его супруги, императрицы немецких кровей Марии Александровны, был глубоко неравнодушен...

В гримёрке балерину как всегда дожидался пышный букет цветов с обязательной амурной записочкой, пахнувшей духами модной парижской марки «Герлен». Зинаида поначалу

обрадовалась. Потом, подумав, помрачнела: «Мог бы и чего-нибудь подороже презентовать, чай, не бедный. Всея России, Азиатчины и Америки единоличный владетель! Вон Дашке Колокольцевой френд целое поместье под Москвой отписал со всеми землями, домашней живностью, челядью, лесами, водами и работниками. А этот, скряга старый, всё рублёвыми цветочками отделаться норовит. Не выйдет!»...

2

Последнее время балерина Кубаева инкогнито проживала на Мойке – угол Миллионной улицы, в доходном доме под номером семь Н. Б. Глинки-Маврина, сооружённом знаменитым архитектором Агурьяном Голосуевым. Александр специально снимал здесь для неё меблированную комнату для свиданий. При очередной встрече между любовниками внезапно вспыхнул серьёзный разлад. Госпожа Кубаева откровенно, прямо в глаза высказала Александру своё неудовольствие:

– Я, как Золушка, мыкаюсь по чужим углам, в то время как другим знакомым мне барышням из балетной труппы полюбовники шикарные имения с прислугой раздаривают. И ничего... никто не в обиде... У тебя, чай, подданных – пруд пруди. А поместий – тоже. Прабабка твоя, цесарица Екатерина хахалям своим на подарки, люди говорят, не скупилась. Придворного племенного кобеля Гришку Орлова миллионщиком сделала. Из грязи да в князи... А одноглазому циклопу Потёмкину цельный Крым татарский отделила вместе с Черноморским флотом. Как хану восточному...

– Всё было совсем не так, милая...

– А ты почём знаешь? Всем в Питере давно известно, что именно так! Последняя гулящая девка с Невского знает.

– И что же все знают? – настороженно поинтересовался Александр.

– А то... Не делай вид, что ничего не слыхал, как твоя прабабка Екатерина Аляску-землю Американским Штатам-государствам продала, а денюшки с полюбовниками в кабаках прокутила!

– Так ведь до сей поры земля-Алясочка – наша, Зин! Никто ещё никому её не продавал, и не думал... – неуверенно возразил Александр. Он старался держать в большом секрете идею своего младшего брата, великого князя Константина Николаевича Романова, занимавшего пост главы Морского штаба России, о продаже Русской Аляски американцам.

Ещё в 1857 году Константин предложил избавиться от этого ненужного «балласта» и вплотную заняться освоением Восточной Сибири и Дальнего Востока. В прошлом году начались деловые переговоры в Вашингтоне о продаже Аляски.

- Нет, продала, все кругом знают. Ежели не веришь, сам сходи на Сенную площадь - в Вяземскую лавру, послушай, что тамошние торговки семечками промежду собой судачат... Нетути у тебя больше Америки. А холуи придворные брешут тебе в глаза, что есть, и ты, простофиля, им веру даёшь... Не ведаешь, что тебя вокруг пальца, шельмы, облапошивают... А ежели что и осталось ещё от Алясочки - крохи одни. Мол, на тебе боже, что нам не гоже! Вот так и ты мне всё цветочки полевые презентуешь. Не обидно мне, думаешь?

- Что же ты хочешь, любовь моя? - взмолился уязвлённый царь.

- Дворец хочу и поместье в додачу, - поняв, что наконец-то наклюнулась золотая рыбка, потребовала балерина. Она недавно от скуки читала томик сочинений придворного пиита Александра Пушкина, и они ей до того понравились, что она враз загорелась непреодолимой страстной мечтой. - А дворец с именем не где-нибудь у нас в глухомани-тёмутаракани, а на самом на юге империи хочу, на гордом Кавказе. И чтоб дворец пренебреженно - как у великой грузинской царицы, мадам Тамары - весь в золоте!

- Откуда деньги, Зин? - взмолился поверженный её хотениями коронованный царь.

- Думайте, милорд, своей головой, ежели она у вас есть. На то вы и голова в России! Вон, Америку в другой раз продай, коль говоришь, что ещё не вся продана. Мужик ты или не мужик? Своему слову хозяин.

- Ты меня заколола без шпаги, Зинаида, - страдальчески протонал Александр, представив, что будет в столице, если кто узнает, что он строит своей фаворитке царский дворец на Кавказе. И для этого распродаёт чужакам русские территории... Скандал! Полнейший конфуз и конец царской карьеры. А тут ещё шляхетская польско-литовская оппозиция и тайные вороги-карбонарии снова зашевелились - управляющий Третьего отделения князь Василий Андреевич Долгоруков докладывал. Того и гляди, где-нибудь бомбу подложат. Враги ведь долго не рассуждают. По секретным масонским предписаниям из Парижа злодействуют...

За слюдяным оконцем простой русской избы бушевала вьюга. Билась о слюду мелкая ледяная крупа, зловеще, по-волчьи завывал страшный ветер, дующий с побережья океана, каким-то шутником названного Тихим. Столица Русской Америки Новоархангельск, расположенный на острове Баранова, погрузился во тьму кромешную и выжидающе притих.

В горнице за столом сидело пять человек: бородатый морской бродяга в поношенном синем мундире офицера российского императорского флота, два его младших брата в местном меховом платье, бородатый же, лет семидесяти, мужчина по виду охотник, и рядом с ним – смуглолицый горбоносый юноша с прямыми, перевязанными пёстрой тесёмкой волосами цвета вороньего крыла – индеец из обитавшего на острове и на побережье Американского континента многочисленного и воинственного племени колошей.

– Так что ты хотел нам сообщить, дорогой Николай Филигранович?

– спросил бывший морской офицер, занимавшийся теперь пушным промыслом, у охотника, которого хорошо знал. Тот как-то спас его от смерти во время нападения взбунтовавшихся материковых конягов на торговую факторию Российско-Американской компании недалеко от крепости Святого Николая.

– Господа, думаю, вы и без меня уже слышаны о том, что наши Американские владения проданы государем императором Северо-Американским Соединённым Штатам... Русская администрация в Новоархангельске во главе с губернатором, князем Дмитрием Петровичем Максutowым готовится к официальной церемонии спуска русского флага и передачи колонии американцам, которая намечена на 18 октября сего года. Затем всё начальство, а также солдаты и офицеры Новоархангельского гарнизона должны будут выехать в Николаевск-на-Амуре на судне Российско-Американской компании «Нахимов». Оно уже стоит в порту. Американский военный отряд в двести пятьдесят человек во главе с генералом Ловеллом Руссо уже прибыл. Поселенцы здесь, в Новоархангельске, а также в других русских селениях и крепостях на материке, на острове Кадьяк в Павловской гавани и на Алеутском архипелаге уже готовятся к отъезду в Россию. Но пришёл я не за этим. Дело в том, что мы с моим другом, сыном вождя местных колошей из рода киксади Росомахой – кстати, он крещён и получил во время обряда второе имя, Иван, по отцу Кухканов – были недавно на Юконе, в диких местах, куда ещё не ступала, вероятно, нога ни одного европейца.

– Ну да, знаем, ты же охотник, – подал голос бородатый морской волк.

- Мы действительно отправились туда с Иваном за пушным зверем, - признался Николай, - но нашли там, в верховьях реки нечто интересное, что заинтересует и вас.

Охотник Николай вытащил из кармана меховой куртки небольшой кожаный мешочек, похожий на кисет, раскрыл и высыпал на стол ярко вспыхнувшие при свете свечи жёлтым искрящимся огнём небольшие бесформенные камешки.

- Что это? - подался вперёд один из братьев моряка, протягивая руку к камешкам.

- Это золото, господа Коростылёвы, - сказал охотник Николай.
- Мы его нашли с Иваном на Молот-реке, как её называют индейцы-кучины, правом притоке Юкона, прямо на берегу. Его там много. Золото попадает и в воде, нужно только запастись терпением, чтобы его намыть. Часть этих самородков мы намыли в реке, часть нашли на берегу. Там просто залежи жёлтого металла. Там его на десятки и даже сотни миллионов долларов, не меньше. Это золотое дно, русское Эльдorado! Я всё сказал, господа. Слово за вами...

- Как некстати состоялась эта продажа! - с досадой воскликнул один из братьев Коростылёвых, молодой симпатичный блондин Юрий. - И как непростительно поздно вы, господин бывший декабрист Парле, нашли эти золотые залежи. Появись вы в Новоархангельске с этой новостью хотя бы на пару месяцев раньше, я уверен: наместник Русской Америки нашёл бы способ пристановить передачу этих территорий Северо-Американским Штатам. Ведь золото пригодилось бы и Российской империи. Тем более, что его там, по вашим словам, - несметные залежи... А теперь всё достанется американцам.

- Но янки ничего не знают о юконском золоте, - возразил Николай Парле. Он действительно был сослан в Восточную Сибирь после неудачного восстания в декабре 1825 года в Петербурге на Сенатской площади. Николай Филигранович - юный поручик гвардии, дворянин, - являлся тогда активным членом Северного тайного общества. Увы, как давно это было.

- Хорошо б, чтобы они вообще о нём никогда не узнали, - сказал средний из братьев, отставной прапорщик артиллерии Пётр. Жгучий брюнет, неотразимый в женском обществе.

- Я надеюсь, господа, на вашу порядочность, - предупредил Николай. - Кроме вас троих о золоте знаем только мы с молодым вождём Росомахой и всё. Больше - ни одна живая душа.

Самый старший из братьев Коростылёвых, в доме которого они располагались, - бывший офицер императорского флота,

охотник и ко всему прочему купец, тёзка здравствующего императора, Александр, успокаивающе заверил друга:

- Николай, можешь на нас положиться, как на своего приятеля туземца. Мы не подведём... К тому же никто из нас не знает английского языка. Не так?

- Это весомый довод, - пошутил бывший декабрист Парле.

- А что, Александр Венедиктович, если бы кто-нибудь из ваших братьев владел английским языком - разболтал бы всё американцам?

- Ну что ты, Николай Филиграныч, это так, к слову... - сконфузился Александр Коростылёв.

- Также предупреждаю, господа, что об этом нашем деле отныне не должны знать ни ваши жёны, ни домашняя челядь, ни сослуживцы, ни родственники в России. Словом - никто! - предостерег братьев бывший декабрист Николай Парле.

- Это само собой разумеется, дорогой Николай Филигранович, - убедительно заверил его старший из братьев, Александр. - Кстати, как видишь, я заранее побеспокоился об этом: моя супруга с детьми по моему совету отправилась в гости к губернаторше. У них есть о чём поболтать, посплетничать, поделиться своими маленькими женскими секретами. Няньки, горничные из местных туземок...

- Ладно, перейдём ближе к делу, господа, - не дослушав, прервал его перечисления Николай Парле. - Я предлагаю немедленно приступить к организации экспедиции на Юкон за золотом. Заключим предварительную паевую концессию: вы трое берёте на себя все финансовые затраты во время подготовки к путешествию, в пути, и - обустройство на месте, мы с Иваном показываем вам дорогу, а главное - открываем золотые месторождения. По сути - делимся своим собственным золотом. Потому что по всем международным законам это месторождение - наша частная собственность. Мы его нашли с Иваном, и оно ещё не принадлежит ни одному государству мира.

- Да, - кивнув головой, заговорил по-русски молчавший до этого юный индеец Росомаха, - если не считать того, что этой землёй на Юконе издавна владеет местное племя индейцев кучинов.

- Об этих юридических тонкостях мы поговорим позже, - прервал его Николай Парле. - Ну что, господа хорошие, устраивает вас такая концессия?

- Как будет делиться прибыль? - уточнил дотошный в

коммерческих делах Юрий Коростылёв.

– Согласно равного паевого участия – на пять человек, по числу концессионеров, – сказал Николай.

– А индейцы? – с беспокойством спросил старший из Коростылёвых, бывший моряк Александр.

– Для решения этого вопроса понадобится много водки, ружья и несколько дополнительно нанятых вольных охотников и казаков в воинскую команду экспедиции, – ответил бывший поручик гвардии, декабрист Николай Парле. – Но, думаю, для вас это не вопрос. Все расходы на месте окупятся сторицей. Это я вам обещаю, господа купцы. Да вы и сами должны понимать, глядя на это, – кивнул Николай на камешки. – Что там ни говори – дело верное.

На этом необычное совещание в доме служащего Российско-Американской компании, купца Александра Коростылёва закончилось. На подготовку к экспедиции по плану уходил весь октябрь. За это время братья должны устроить все свои бытовые и коммерческие дела в городе, по возможности решить вопрос с недвижимостью, собрать капиталы; старший Александр и средний Пётр – позаботиться о своих семействах, которые они оставляли на попечение губернатора. Решено было нанять в Новоархангельске и его окрестностях ещё человек семь-восемь казаков и алеутов, запастись тёплой одеждой, достаточным количеством продовольствия, кормом для собак, оружием. В начале ноября переправиться на материк, как можно ближе к устью Юкона, там, в ближайшей торговой фактории купить собак, нарты, лыжи на всех участников похода и в декабре с богом отправиться на Юкон...

4

Российский император Александр II пребывал в расслабленной меланхолии у себя в кабинете, в Зимнем дворце, когда осторожно постучавшись, вошёл офицер по особым поручениям, подполковник гвардии граф Бесков и доложил о прибытии его высочества великого князя Константина Николаевича.

– Зови, зови, голубчик, – поспешно вскочил с кресла Александр, обрадованный приходом младшего брата, которому назначил на сегодня встречу для обсуждения неотложных вопросов государственной важности.

Вскоре в кабинет, неслышно ступая по коврам, как будто крадучись, вошли великий князь Константин, Министр иностранных

дел Александр Михайлович Горчаков, и статс-секретарь Розенберг с огромной пачкой потёртых разноцветных папок под мышкой.

Александр радушно, по-дружески поздоровался с прибывшими за руку, даже с секретарём. Жестом хлебосольного хозяина пригласил к столу почему-то только одного великого князя, своего брата. На столе вместо ожидаемого Константином угощения и выпивки распростёрлась громадная географическая карта не менее громадной Российской империи.

Братья были весьма схожи, даже причёски почти одинаковые – с зачёсом назад. У Александра залысины немного больше, чем у Константина; густые широкие бакенбарды а-ля Франц Иосиф внизу срослись с усами, подбородок чисто выбрит. У великого князя небольшая борода и усы, на носу – пенсне.

– Я пригласил вас, господа, чтобы выяснить некоторые спорные вопросы, – начал свою речь император. – Итак, в столице с некоторых пор среди обывателей ходят нелепые слухи о том, что великая Екатерина, наша с князем Константином уважаемая прабабушка, якобы продала Северо-Американским Соединённым Штатам наши земли на Аляске? Константин, есть ли насчёт этого какие-нибудь подтверждения в архиве Министерства иностранных дел?

Великий князь Константин скривился, как будто съел кислый лимон, которым обычно имел привычку закусывать знаменитый французский коньяк «Курвуазье», который по заверениям знатоков любил сам Наполеон, и с недоумением взглянул на старшего брата:

– Саша, при чём тут прабабушка, когда это была лично моя инициатива, продать «лишнюю территорию» – ненужную и бесполезную – американцам! Да ты сам посуди, как могла прабабушка продать то, что ей ещё не принадлежало? Абсурд! Тогда Аляска была нашей чисто номинально. Только при дедушке, императоре Павле Петровиче, началось активное освоение Аляски. К тому же и Соединённых Штатов как суверенного государства в то время, в общем, ещё не существовало. Во всяком случае, до 1776 года.

– А как же слухи? – продолжал настаивать Александр. – Дыма ведь без огня не бывает.

– Ну, мало ли что болтают на улице? – скептически пожал плечами Константин, так что шевельнулись золотые адмиральские эполеты на его синем мундире. – Может быть, это была продажа какой-нибудь другой территории...

- Какой?

Великий князь обратился к Министру иностранных дел Горчакову:

- Нет ли у вас, милейший Александр Михайлович, каких-нибудь документов в архиве Министерства касательно одного вопроса?

Горчаков в растерянности перевёл стрелку на статс-секретаря. Розенберг поспешно распахнул первую, самую верхнюю папку из принесённой с собой пыльной кипы, принялся листать исторические документы.

- Вот, ваше величество, продажа князем Потёмкиным-Таврическим своих владений под Екатеринославом...

- Не то! - сердито скривился Александр.

- Георгиевский трактат 1783 года о добровольном вхождении восточного Картли-Кахетинского грузинского царства в состав Российской империи в качестве протектората...

- Дальше! - нетерпеливо потребовал император.

- Нотариальный акт дарения императрицей Екатериной II дворца в Петергофе графу Платону Зубову...

- Листай, братец, листай. Прочь эту галиматью!

Секретарь Розенберг взялся за другую папку.

- Именной указ императора Павла I наказному атаману Всевеликого Войска Донского о направлении воинской экспедиции в Британскую Индию...

- Чушь! - уже с неприкрытым откровенным раздражением высказывал своё мнение царствующий император. - Павла Петровича можно пропустить совсем. Он своей немчуре пол-России продал...

Розенберг послушно перешёл к документам периода царствования старшего сына Павла I, императора Александра Павловича.

- Рапорт, отправленный в апреле 1820 года из Австралии начальником кругосветной антарктической экспедиции капитан-лейтенантом Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузенем морскому Министру России, адмиралу флота Ивану Ивановичу де Траверсе.

Прослушав сообщение статс-секретаря, император Александр понимающе ухмыльнулся, с иронией обратился к младшему брату:

- Костя, обрати внимание на фамилии. Ну, прямо сплошь прирождённые русаки, кондовые! Беллинсгаузен, де Траверсе...

- Иван Иванович - урождённый Жан-Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе - француз по национальности, - сообщил со знанием дела великий князь Константин. - Беллинсгаузен, вероятно, из немцев.

- Фабиан Готлиб Беньямин фон Беллингсгаузен, - уточнил Министр иностранных дел Горчаков. - Балтийский немец из остзейского дворянского рода.

- Я угадал! - захопал в ладоши император. - Ну и в чём суть рапорта? (Александр произнёс последнее слово с ударением на втором слоге).

Статс-секретарь виновато примолк, торопливо, как мышь, зашуршав манускриптами. Искал нужный циркуляр.

- Ну что там за оказия? - нетерпеливо топнул ногой, туго затянутой в блестящий лакированный кавалерийский ботфорт император Александр. - Вы меня хорошо слышите господин... как вас, кстати?.. Розен-берг? - Император сознательно сделал небольшую паузу в середине фамилии секретаря, подозрительно взглянул на придворного чиновника. Затем - на Министра Горчакова.

- Тоже - немец, ваше величество, - по-лакейски поддакнул Горчаков, - из остзейских дворян... Обрусевший, - добавил извиняющимся тоном.

- У вас брата случайно нет в Санкт-Петербурге? - продолжал дотошно выпытывать у Розенберга император Александр. - Где-то я вас, кажется, видел... На днях...

- Есть, - ответил за секретаря Министр Горчаков. - При Министерстве уделов коллежским регистратором служит. В Дирекции императорских театров.

Александр припомнил своё недавнее посещение Большого театра, где давали балет «Сильфида», сопровождавшего его в гримёрку балерины Кубаевой пронырливого коллежского регистратора Розенберга с пышным букетом цветов, и заметно воодушевился.

- Кстати, как вас по батюшке? - развязным тоном осведомился монарх у статс-секретаря.

- Аркадий Карлович, ваше величество, - вновь поспешил с ответом Горчаков, как будто опасаясь, что Розенберг невзначай сболтнёт чего-нибудь лишнего.

- Случайно не знаете, какая следующая постановка в Большом театре? - спросил Александр у Розенберга, предполагая в нём

знатока.

- В Большом не ведаю-с, ваше величество. А вот в Мариинском, названном в честь вашей супруги-с, императрицы Марии Александровны, на днях дают оперный спектакль «Озеро лебедей», - с осведомлённостью завязтого питерского театрала сообщил Аркадий Розенберг. Хотя, по правде сказать, любое спонтанное посещение театра ограничивалось для него лишь рамками буфета, как и его брата - интимными гримёрками легкомысленных балерин...

Не получив внятного ответа на весьма интересующий его вопрос, император благоразумно прикрыл эту тему...

Обрусевший остзейский дворянин Розенберг (родной брат коллежского регистратора) нашёл, наконец, нужную бумагу:

- Речь в рапорте капитан-лейтенанта Беллинсгаузена идёт об открытии и присоединении к Российской империи нового материка под заглавием Антарктида и 29 островов и атоллов в южных морях, включая три острова маркиза де Траверсе, острова Восток, Симонова, Михайлова, Суворова, Россиян, остров Великого Князя Александра, остров Петра I, берег Александра I и протчие...

- И что же, братец, это богатство всё теперь наше?! - не сдержал ликующей радости император, похожий на ребёнка, которому купили новую дорогую игрушку.

В деловой разговор опять вклинился Министр иностранных дел:

- Понимаете ли, ваше величество, данные территории действительно открыты российскими мореплавателями. Но для присоединения их к империи нужно ещё согласие ведущих морских держав, коими являются на данный момент Британская и Французская империи.

- Ну, так договаривайтесь с ними скорее, - нетерпеливо воскликнул император. - Или, может быть, тоже продали уже и Антарктиду, и южные острова?

- Что вы, ваше величество, как можно? - забеспокоился Горчаков, плутовато отводя глаза в сторону, на статс-секретаря Розенберга. Тот понял этот взгляд по-своему - плут и выжига до мозга костей - чиновник всё же давно уяснил себе непреложную аксиому: своих, питерских, - не сдавать! И тут же перешёл к царствованию Николая I:

- Продажа в мексиканском штате Южная Нижняя Калифорния русской крепости Росс в 1841 году.

- Вот, брат, это интересно! Давай поподробнее, - сразу же ожил Александр, забыв о подозрительной Антарктиде с 29-ю островными владениями.
- Согласно договору за номером (пardon, номер не указан) Российско-Американская компания в лице её представителя, господина (фамилия и инициалы не значатся, подпись неразборчива) продала Форт Росс за 42 857 рублей гражданину Мексики Джону Саттеру, немецкому промышленнику-с...
- Опять немец! Кругом сплошь немцы, куда не ткнишь, - с раздражением посетовал император. - Кто получил деньги и куда они подевались? - строго потребовал у чиновника.
- Секретарь Розенберг затрясся всем телом, как будто его уличили в краже, упавшим голосом объяснил:
- Ваше величество, данная коммерческая сделка явилась частным делом Компании и не предполагала наличных сумм.
- А что же она предполагала, чёрт возьми?! - не в шутку разгневался государь от подобной вопиющей бестолковщины.
- Гражданин Джон Саттер обязался-с в счёт оплаты поставлять на Аляску пшеницу-с.
- И на какую сумму он поставил нам пшеницы, а главное - когда произошёл полный расчёт?
- Здесь в разговор в который раз вмешался Министр иностранных дел Горчаков:
- Ваше императорское величество, точные данные мною будут выяснены завтра же пополудни, в Министерстве финансов, и предоставлены в ваше распоряжение в письменном виде. Сейчас же могу приблизительно доложить, что пшеницы недопоставлено, примерно, тысяч на 30 - 35...
- Вы надо мной издеваетесь, господин Министр, - всплеснул руками Александр и истерически засмеялся. - Подумать только, за 25 лет этот мошенник из Мексики отгрузил на Аляску зерна всего на семь тысяч рублей с копейками! Не смешите меня, господин Горчаков...
- Ваше величество, мы активно занимаемся этим вопросом! Активно, - пролепетал враз покрасневший до корней волос высокопоставленный питерский чиновник. - И мы его обязательно решим.
- Когда? Аляска-то ведь уже продана! - вскричал чуть ли не в истерике император. Затем сразу успокоился, взял себя в руки, поправил складки на мундире и спросил у великого князя

Константина: – Кстати, как обстоят дела с продажей Русской Америки? Что решили в Вашингтоне?

– Саша, в Вашингтоне наш, русский посланник (Константин осознанно сделал особый акцент на слове «русский») барон Эдуард фон Стебль завершает сделку с американским правительством. Договор о продаже Аляски ратифицирован, и осталось уладить маленькие финансовые формальности. – Чтобы не вдаваться в подробности, которых великий князь попросту не знал, он многозначительно кивнул секретарю Розенбергу, чтобы продолжал чтение документов.

– Вот тут ещё один интересный договор по Русской Америке, ваше величество, – радостно сообщил чиновник. – В 1854 году Русско-Американская компания, дабы предотвратить оккупацию Аляски Британской империей, с коей Российская империя находилась в состоянии войны-с, фиктивно (временно, сроком на три года) продала все свои владения и имущество за 7 миллионов 600 тысяч долларов Северо-Американским Соединённым Штатам-с...

Немая сцена...

5

Наступил день отъезда. Когда Николай Парле с индейцем Росомахой подошли к дому старшего Коростылёва, из распахнутых настежь ворот выезжала первая, доверху гружёная повозка, которую тянула низкорослая, якутской породы лошадь. Правил ею незнакомый Николаю бородач со старым дульнотарядным штуцером за спиной, в большой овчинной папахе на голове – по одежде и замашкам – анадырский служилый казак. Братья Коростылёвы стояли посередине обширного, вытопанного множеством ног двора и распорядились отправкой. Ещё три повозки с поклажей тоже одна за другой выехали на улицу, вытянувшись вереницей сбоку дороги. Им предстояло ехать до гавани, где груз перенесут на пакетбот и отправят в ближайший порт на материке. Жители Новоархангельска, привлечённые необычным зрелищем, высыпали на улицу. Здесь были бабы с молодыми девками, индианки из прислуги богатых господ, охотники, казаки, крещёные индейцы и алеуты, ремесленники, чиновники бывшей русской городской администрации, купцы, приказчики и даже один батюшка-миссионер в распахнутом нагальном тулупе и большим серебряным распятием на могучей шее.

Николай Парле, вышедший на улицу вместе со старшим

Коростылёвым, бывшим морским офицером Александром, с досадой отметил в живописной городской толпе несколько необычного покроя, явно нерусских меховых шапок квебекских охотников, попавших в столицу бывшей Русской Америки с востока, из-за реки Макензи, где простирались вплоть до самой Атлантики заснеженные земли Канады. Увидел он и ковбойские шляпы североамериканцев, запойных бродяг и искателей приключений, – ещё какой-нибудь месяц назад это считалось здесь большой редкостью.

Парле намекнул на ковбойские шляпы Александру.

– А что в этом удивительного, Николай Филигранович, – горько вздохнул морской волк. – Они теперь здесь хозяева. Скоро ещё не то увидите, когда их тут станет больше чем православных и появится собственная американская полиция, суд и глава городской администрации – шериф. Начнут переименовывать всё на свой лад, скупать лучшие дома и участки под застройку у местных городских жителей и спаивать бедных аборигенов, чтобы завладеть их землями. Не так?

– Тяжкие времена настают для русских людей в колонии, Александр Венедиктович, – сказал Николай, поправив на плече ремень своего ружья. – Я был против продажи этих земель американцам, как и большинство местных охотников и казаков. Но кто нас когда спрашивал?

– Сумма, к тому же, смехотворная, – недоумённо пожал плечами купец Коростылёв. – Насколько мне известно, Петербург уступил Северо-Американским Соединённым Штатам свои заокеанские территории всего за пять миллионов долларов. Причём выплату янки растягивают на целых десять месяцев. Это же форменный грабёж, дорогой Николай Филигранович! Ты как считаешь?

Бывший поручик гвардии, декабрист Парле посмотрел вначале на застывшего позади него молчаливым истуканом индейца Росомаху, потом на суетившихся у повозок братьев Коростылёвых: Петра и Юрия. Оборотив обожжённое морозами, обветренное лицо к старшему Александру, сказал:

– Я думаю, что тут что-то не чисто.

– Вот-вот, и я такого же мнения, – враз оживился Александр Коростылёв. – Ну, посуди сам, поручик, как можно империи по доброй воле, причём за столь смехотворно мизерную сумму, лишаться таких богатых, обширных владений. Ведь мы же тут, по сути, вторую Россию навсегда теряем. И ты не забывай, Филиграныч, что в 1841 году мы уже отдали

какому-то мексиканскому прохвосту все русские территории, включая и крепость Росс, в благодатной Калифорнии – со всеми прилегающими пахотными, плодородными землями, которые кормили Аляску и острова Русской Америки. Снабжали колонию хлебом. Причём достались они нам чуть ли не даром: знающие люди уверяют, что вождь тамошнего индейского племени кашайа-помо продал землю под русское поселение Форт-Росс всего за три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги и несколько ниток бус. Это как?

– Мне кажется, это либо безумие, либо – хуже того – предательство!
– откровенно высказался Николай Парле.

– Ты это о чём, Филигранныч? О форте Росс?

– Нет, брат, о распродаже твоей родины, Аляски, и островов.

– Ну, ты хватил, любезный, – испуганно отшатнулся от друга Александр Коростылёв. – Я так не думаю и... тебе не советую. Говори, говори, Николай Филигранович, да не заговаривайся. Чтобы государя императора заподозрить в этаким безобразии!..

– Я не грешу на Александра Николаевича, – хмыкнул бывший декабрист Парле. – Скорее всего, его втянул в эту авантюру кто-то из дворцового окружения. Мне кажется, сыграли роль подковёрные интриги, какая-то грязная политическая возня. Возможно и то, что кто-то в Санкт-Петербурге или Вашингтоне хорошо погрел руки на этой тёмной, непонятной сделке. Всякое может быть, откуда мы знаем...

В это время к ним от повозок приблизился средний брат Александра, отставной прапорщик, артиллерист Пётр Коростылёв.

– Саша, ну что же вы тут застряли с Николаем Филиграновичем? Время не ждёт. Отправляться надо. Все готовы и ждут только вас.

– Извини, Пётр, действительно, заболтались, – спохватился Александр. Пригласил Николая Парле следовать за ним.

Сын вождя Росомаха угрюмой безмолвной тенью бесшумно, по давней индейской выучке, скользил за Николаем. Вчетвером отъезжающие путешественники подошли к небольшому обозу. На каждой из четырёх снаряженных в дорогу повозок сидел кучер, на передней – дюжий бородач в овчинной папахе с охотничьим штуцером за спиной, примеченный ранее Николаем. Все они, как и бородач в папахе, были хорошо вооружены. Это были русские, вероятно, из казаков. Ещё четверо нанятых братьями Коростылёвыми охотников с луками, а кто и со старыми, допотопными кремнёвыми ружьями, вероятно, времён

наполеоновских войн, топтались возле крайнего воза. Это местные, островные алеуты, которым предстояло править собачьими упряжками на материке. Они с этой работой справлялись лучше, чем анадырские казаки.

Александр Коростылёв, как старший из братьев, принявший на себя обязанности начальника экспедиции, крикнул каюрам, чтобы они рассаживались по повозкам, махнул братьям и Николаю с Росомахой последовать их примеру. Сам подошёл к головной повозке, устроился рядом с бородачом-казаким в овчиной папахе. Сняв меховую шапку, перекрестился набожно, по-старообрядчески двумя пальцами. Тихо сказал:

- Трогай, Захар Пахомыч. С богом!

Обоз, тяжело заскрипев осями, тронулся вниз по улице в сторону побережья и Новоархангельского порта...

6

Российский посланник в Вашингтоне барон Эдуард Стекль завершал сделку по продаже Русской Аляски Северо-Американским Соединённым Штатам. Оставалась сущая малость - договориться о сроках выплаты причитающейся России суммы в семь миллионов двести тысяч долларов, форме оплаты и получателе.

Этим же вечером он встретился с государственным секретарём Уильямом Генри Сьюардом, соратником Авраама Линкольна, ярким демократом, всегда выступавшим за отмену рабства негров на юге. Беседа проходила в неофициальной обстановке, на частной квартире Сьюарда, расположенной в самом престижном районе Вашингтона.

- Ну, как наши дела, сэр? - после обязательного демократического рукопожатия, с нетерпением спросил у госсекретаря барон Стекль. - Договорились вы в Министерстве финансов о сроках выплаты денежной суммы и форме оплаты?

- Да, мистер Стекль, - утвердительно кивнул крупной высоколобой головой Сьюард. На вид ему было под семьдесят. Он стоял перед собеседником, опираясь на чёрную лакированную трость с белой - из слоновой кости - рукояткой.

Русский посланник, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно присел к столу, вальяжно закинул ногу за ногу. Госсекретарь последовал его примеру, запоздало указав тростью на кресло, в котором барон уже сидел. Ноги американец по давней, почти с пелёнок, привычке водрузил на стол. Барон Стекль брезгливо поморщился.

Уильям Сьюард не обратил никакого внимания на реакцию русского, многозначительно понизив голос, продолжил:

- Могу сообщить по большому секрету, мистер Стекль, что мне пришлось очень долго убеждать и уговаривать некоторых видных сенаторов и конгрессменов... - госсекретарь намеренно сделал говорящую о многом паузу и повторил: - Очень долго убеждать и горячо уговаривать...

- И сколько же мы получим в виде авансовых выплат? - поинтересовался русский посланник, намеренно не придавая значения красноречивым намёкам Сьюарда.

- А сколько бы вы хотели, мистер Стекль?

- Как можно больше, сэръ, - принялся по всегдашней привычке торговаться барон. - Ну-у, скажем, процентов шестьдесят-семьдесят. И желательнее не золотом, а безналичными...

- Надеюсь, на счёт вашего российского Министерства финансов? - подсказал Уильям Сьюард.

- Нет, на счёт частного лица... но... очень честного и весьма влиятельного в Санкт-Петербурге.

- И кто же это лицо, если не секрет?

- Я, - без ложной скромности объявил барон Стекль.

- Но это невозможно, мистер Стекль! - в отчаянии вскричал госсекретарь и сердито вонзил в пол конец своей трости. - Это противоречит ратифицированным соглашениям о продаже Аляски. Члены сенатского комитета по иностранным делам будут решительно против ваших предложений.

- А вы лично? - вкрадчиво обратился к нему хитрый посланник.
- Не забывайте, мистер Сьюард, что по вашим финансовым документам Северо-Американские Штаты заплатили нашей империи не семь миллионов двести тысяч долларов, как прописано в договоре, а немножко больше... То есть - семь четыреста! И куда и на какие нужды пойдут эти недополученные Россией двести тысяч, мне решительно всё равно! Но я бы хотел, чтобы Российская империя их всё-таки получила... перечислением... на счёт всё того же частного лица... Таким образом, предполагается, что я буду иметь на руках два банковских чека: основной, на семь миллионов двести тысяч, и дополнительный, из коего вы, сэръ, высчитаете необходимую вам сумму... На ваших сенаторов, конгрессменов и прочих клерков... У меня есть чёткие инструкции из Санкт-Петербурга, которые я должен беспрекословно выполнять. А в них сказано, что мне надлежит сопровождать корабль, перевозящий данные

денежные средства, до самой Европы, дабы в германских землях приобрести необходимые нашей империи для развития железнодорожного сообщения современные технические механизмы... Поэтому я бы хотел, чтобы вы вознаградили себя лично из недополученных нами двухсот тысяч долларов ещё ...энной суммой, и помогли мне получить все предусмотренные договором продажи миллионы сразу, единым основным чеком. И, конечно, – плюс дополнительный...

Глаза у госсекретаря Уильяма Сьюарда тут же алчно вспыхнули, как будто он воочию увидел перед мысленным взором легендарное американское Эльдорадо, по телу пробежала предательская дрожь. Он взял гусиное перо, чистый лист бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, аккуратно вывел на листе шестизначную цифру: «100.000»...

7

Небольшое двухмачтовое судёнышко, пакетбот «Григорий Шелихов», доставлявший почту и пассажиров из Охотска в Русскую Америку, на который погрузили поклажу и сели золотоискатели в Новоархангельске, взял курс на северо-запад. Пройдя вдоль извилистого скалистого побережья материка, пакетбот через несколько дней достиг крепости Святого Николая на Кенайском полуострове – самой заселённой части Русской Америки. Здесь путешественники сошли на берег и остановились на постой в русско-креольском посёлке Чикен рядом с крепостью. Население было смешанное. Помимо колониальных граждан и креолов здесь издавна проживали крещёные алеуты, а после продажи в Калифорнии русской крепости Росс в 1841 году, – переехали все тамошние обитатели, включая несколько калифорнийских индейцев с семьями. В посёлке также располагалась торгово-закупочная фактория Российско-Американской компании.

Пока занимались подготовкой к экспедиции, миновал ноябрь. С побережья задули пронзительные холодные ветры, закружили метели. В декабре, как только выпало достаточное количество снега, ударили крепкие морозы, и реки сковал толстый непробиваемый панцирь льда, путешественники покинули селение Чикен и отправились на северо-восток. Алеуты управляли четырьмя упряжками собак, запряжённых в тяжело нагружённые нарты. На передних, в задней части, купец Александр Коростылёв закрепил длинный деревянный флагшток, на который повесил красно-сине-белый императорский флаг с двуглавым орлом посередине, который одновременно являлся

и стягом Российско-Американской компании. Казаки на лыжах шли по бокам небольшого санного обоза, за старшего у них – дюжий бородач с охотничьим штуцером Захар Добрынин. Индеец Росомаха, он же Иван Кухканов, вырвался далеко вперёд. Он прокладывал лыжню и разведывал местность. Бывший декабрист, охотник Николай Парле со старшим из Коростылёвых, моряком Александром шли около головных саней. О чём-то оживлённо беседовали. Позади процессию замыкали два младших брата Коростылёвых: средний, отставной прапорщик Пётр и младший – Юрий.

Мороз крепчал, чем дальше они отрывались от побережья. В то же время становилось потише, ветер уже не дул и не свистел так по-разбойничьи зловеще. По широкой безлесной, кое-где всхолмлённой долине достигли небольшой замёрзшей речки, дальше пошли по её руслу. Вскоре добрались до леса, который живописно раскинулся на правом возвышенном берегу...

8

Только через месяц золотоискатели наконец-то вышли к Юкону. До цели путешествия оставалось несколько переходов. Несмотря на то, что формально это были ещё российские владения – путешественники вступили на земли местных кенайских колошей, не признававших власти русской колониальной администрации. Племя не подчинялось и вновь созданной северо-американской власти. Оно вообще никому не подчинялось. Колоши считали себя единственными хозяевами этих мест и на любое вторжение извне реагировали весьма агрессивно. Вожди колошей – тойоны, не могли простить белым людям того, что те в прошлом веке самовольно вторглись в их владения, понастроили больших крепостей и маленьких селений-стойбищ с деревянными «вигвамами», привезли с островов заклятых врагов колошей – алеутов, стали охотиться на землях индейцев и всячески их притеснять.

Не успели русские золотоискатели преодолеть и полверсты по территории аборигенов и ступить на лёд небольшого озера, как с другого берега, из леса, расположенного на бугре, засвистели индейские, украшенные орлиными перьями стрелы. Один алеут-каюр упал, схватившись за горло, в которое почти до самого оперения хищно впилась стрела. Пробив шею несчастного насквозь, она вышла с обратной стороны. Получил рану в плечо и казак, шедший около нарт. Собаки, жалобно повизгивая в упряжках, боязливо крутились на льду на одном месте. Несколько уже лежало неподвижно в окровавленном

подтаявшем снегу, пронзённые меткими индейскими стрелами. Коварные дикари специально били собак, чтобы незваные бородатые гости не смогли продолжить свой путь и повернули назад.

Казак быстро поснимали ружья и бросились к противоположному берегу озера, в снег, стараясь укрыться за неровностями ландшафта и сугробами. Раздался дружный ружейный залп, и с хвойных и лиственных деревьев на возвышенности обрушились горы снега. Стали стрелять из луков и старых кремнёвых ружей попрятавшиеся за нарты с поклажей алеуты. Братья Коростылёвы, Николай Парле и сын вождя Росомаха поспешили на помощь своим людям. Укрывшись кто за нартами, кто за кустами или небольшими, покрытыми снегом холмиками, открыли огонь из штуцеров и винтовок по спрятавшимся в лесу индейцам.

Туземцы, чувствуя себя за деревьями в относительной безопасности, продолжали осыпать золотоискателей и собак градом стрел.

- Нужно их как-нибудь выманить из леса, - сказал Парле Александру Коростылёву, - иначе мы с ними, дьяволами краснокожими, не справимся. Они всех наших лаек стрелами к чертям собачьим положат.

- А как их оттуда выманишь? - спросил морской офицер Коростылёв, стреляя из боевого нарезного штуцера по кустам и подлеску на противоположном берегу озера.

- Вопрос! - сбив шапку на лоб, почесал затылок бывший декабрист Николай Парле. Во время памятного восстания в декабре 1825 года на Сенатской площади он служил в гвардейском Семёновском полку поручиком. Но как назло в голову ничего путного не приходило.

Между тем бой не прекращался, стрельба с обеих сторон усиливалась. Алеуты за нартами, отложив свои ружья, луки и стрелы, оказывали помощь раненому в плечо казаку. Двое крепко держали его за руки и ноги, третий алеут, не обламывая древко стрелы, дал казаку «огненной воды» из глиняной баклаги, сунул в зубы волчью меховую рукавицу, сказал на ломанном русском языке: «Тирапы, Ивана!» Разрезал ножом и снял с казака тулуп, кафтан и рубаху. Ножом умело сделал два глубоких надреза возле раны, с силой дёрнул на себя древко. Казак взвыл диким голосом, дёрнулся всем телом, пытаясь вырваться из цепких рук державших его алеутов, машинально боднул головой в нос своего врачевателя. Алеут с окровавленной стрелой в руках резко отшатнулся. Из разбитого носа у него хлынула кровь, но он не обиделся, понимая какую

ужасную боль невольно причинил раненому. Скалясь, утёрся рукавом меховой куртки. Виновато отодвинулся в сторону, уступая место своим товарищам, каюрам. Один из них засыпал кровоточащую рану на плече казака порохом, смешанным с какой-то лечебной травой, замотал чистой тряпицей.

В суетливой горячке боя никто из золотоискателей не заметил, куда делся сын вождя Росомаха. Братья Коростылёвы с Николаем Парле и тремя оставшимися в строю казаками продолжали палить в мелькавших среди елей, сосен и пихт индейцев. По громким крикам, проклятиям и стонам с той стороны можно было понять, что некоторые пули русских стрелков попадают в цель.

Неожиданно выстрелы стали греметь и в лесу, в глубоком тылу нападавших. Стрельба сопровождалась громкими криками на ломаном русском языке, передающими кому-то незримою воинские команды куда «наступать» и какой «фланг охватывать». Бывший гвардейский поручик Николай Парле узнал голос своего друга, индейца Росомахи, и весело рассмеялся:

- Вот и решена задачка, как выманить дикарей из леса. Иван сейчас быстро их выкурит из-за деревьев на чистое место. Слышь, - атаку с тылу затевает, комедиант театральный. Умора... А мы тут побьём их, как всё одно куропаток на промысле - дюжинами.

- Будем надеяться, что всё у нас именно так и получится, - не прекращая частую пальбу в неприятеля, откликнулся Александр Коростылёв. Он уже уложил человек пять дикарей, был сильно возбуждён и доволен собой. Страха в его глазах не было, только - отчаянный бойцовский азарт и бесшабашная русская удаль.

Неплохо сражался и средний брат, бывший прапорщик артиллерии Пётр. Он вооружён английской капсульной винтовкой Энфилда образца 1853 года, заряжавшейся через дуло. Не боясь индейских стрел, он то и дело храбро выглядывал из-за нарт, посылая в сторону леса пулю за пулей. Младший из Коростылёвых Юрий наоборот заметно робел. Стрелял из винтовки редко, почти не высываясь из укрытия, всякий раз припадал к земле и вжимал голову в плечи, как только над головой со свистом пролетала стрела.

Между тем взбунтовавшиеся колоши, как и предсказывал Николай Парле, не видя, кто напал на них с тыла, сбитые с толку сильным шумом и беспорядочной стрельбой, поднятыми индейцем Росомахой, начали выбегать на лыжах из леса. Тут их метко поражали из ружей новоархангельские казаки-охотники

и алеуты, били на выбор из винтовок братья Коростылёвы. Дикари запаниковали. Уже не сопротивляясь, оставив на снегу на опушке леса около десяти убитых и раненых воинов, пустились бежать на юг. Казаки с алеутами тоже стали было на лыжи, чтобы преследовать бегущего противника, но Парле их остановил. Индейцы могли устроить стрелкам засаду, к тому же некоторые отставшие колоши, возможно, всё ещё прятались в лесу и только ждали момента, чтобы ударить путешественникам в спину.

Когда стрельба поутихла, за озером на опушке леса показался сын вождя Иван Кухканов. В одной руке он нёс свою винтовку системы Спенсера, в другой – объёмистый мешок, – видимо, с трофеями. Добыча была явно богатой. Золотоискатели двинулись ему навстречу. Александр Коростылёв велел алеутам собрать индейские луки и колчаны со стрелами – они ещё могли пригодиться в дороге. Расторопные алеуты сверх того пособирали и стрелы, выпущенные колошами в путешественников: торчавшие в тюках поклажи на нартах, выглядывавшие из глубокого снега. Нашлось у мёртвых индейцев и малость провианта, которым они запаслись, выходя на разбой. В спешке неприятель бросил свои нарты с припасами, запряжённые упряжкой добрых, хорошо откормленных северных собак. Алеуты, знавшие толк в таких делах, как обшаривание трупов, забрали и личные вещи колошей, в том числе лыжи.

Под конец, не выдержав, Александр Коростылёв на правах старшего велел прекратить это мародёрство. По-быстрому, не разводя костра, перекусили. Вместо чая выпили по доброй чарке водки. Погрузили всё добытое на поле боя на трофейные индейские нарты, на них же положили раненого охотника из казаков, забросали снегом тело убитого колошами алеута, водрузили на белом холмике наспех сделанный из веток крест, и торопливо тронулись в путь. В строю оставалось трое погонщиков-алеутов и трое казаков, один из которых сел управлять собачьей упряжкой вместо погибшего каюра, другой – повёл трофейные индейские нарты...

9

Минуло ещё несколько долгих, утомительных дней ледяного перехода. Собаки выбивались из сил, еле-еле таща неподъёмные нарты, на которые часто садились и уставшие до изнеможения люди. Заканчивались вода, провизия и ружейные боеприпасы. Перемерзшие до костей два старших брата Коростылёвы и Николай Парле всё чаще прикладывались к объёмистому

штофу с водкой, младший Юрий отказывался. Местность пошла гористая, почти безлесная. Далеко впереди виднелись величественные вершины заснеженных, обледенелых гор. После очередной ночёвки Парле с индейцем Иваном, о чём-то коротко посоветовавшись, объявили товарищам, что до цели путешествия – подать рукой. Едва перевалив через очередную, высокую скалистую сопку, остановились перевести дух. Увидели внизу, в каньоне, по дну которого, замысловато петляя, протянулся замёрзшей змеей Юкон, множество дымовых столбов, вертикально поднимавшихся в небо из небольших снежных холмиков. Холмикам не было числа, ими усеян весь берег. Между ними, словно между сугробами, протоптано множество пешеходных тропинок. То и дело туда-сюда сновали белые люди в диковинных меховых шапках или шляпах, проезжали упряжки собак, тянувшие тяжёлые нарты. На берегу реки – суетливое оживление. Бесчисленное число народа долбило лёд ломami и кирками, тащило из леса срезанные ветки и тонкие стволы деревьев.

– Вот тебе бабушка и Юрьев День! – тяжело вздохнув, покачал головой старший из братьев Коростылёвых, тёзка царя – Александр. Посетовал, обращаясь к бывшему декабристу Парле: – Американский посёлок золотоискателей... Опередили, шакалы. Плакали наши денежки, Николай Филигранович. Не так?

Между тем американцы внизу, увидев на горе чужаков под российским державным триколором, быстро схватились за оружие. Реакция у них была мгновенная. Загремели меткие выстрелы скорострельных американских винчестеров – каюры и казаки стали со стенами падать в снег один за другим. Разбираться, кто раненый, кто убитый не было времени. Трое оставшихся в живых погонщиков, к которым присоединились Пётр и Юрий Коростылёвы, развернув упряжки, поспешно ретировались из зоны обстрела. Александр Коростылёв, присев, прицелился было из своего штуцера в неприятелей, но Николай Парле его предостерёг:

– Не стоит стрелять, Александр Венедиктович, хуже будет! Уходим отсюда подобра-поздорову. Помоги мне друга Ивана вынести, упал он. Видать подранили, ироды.

Вдвоём они схватили сына вождя Росомаху за руки и потащили вслед за удалявшимися нартами. Александр окликнул среднего брата Петра и тот, развернув нарты, подехал, взял индейца к себе. Старший Коростылёв с Николаем взобрались на другие вернувшиеся нарты. Преодолев несколько вёрст до ближайшего редколесья, остановились и стали подсчитывать потери. В ватаге не хватало двух алеутов, двух казаков, в том числе

Захара Добрынина; сын вождя Росомаха скончался на руках у Николая Парле.

- Не добравшись до цели, уже половины людей лишились, - с досадой посетовал Александр Коростылёв, растерянно глядя на охотника Николая. - А что впереди? Какие ещё презенты приготовил нам заснеженный ледяной Юкон помимо того, что здесь уже во всю хозяйничают янки? Предчувствие гложет меня от самого дома: быть беде!

- Живы будем - не помрём, Александр Венедиктович, - беззаботно отозвался Парле. - На Бога православный человек надеется. А с божьей помощью - всё нипочём.

- Так-то оно так, Николай Филигранович, - согласился Коростылёв. - Да токмо и самим плошать не следует. На Бога, как говорят в народе, надейся... Ан, и сам дуриком в капкан не суйся. Подумай прежде. Голова на плечах для чего?

- Человек предполагает... Слыхал небось присказку? - фатально усмехнулся Николай Парле. - Сие мудрость, в Священном Писании означенная. Как изрёк латинянин Фома Кемпийский в книжице «Подражание Христу», коему Фоме и принадлежит первенство вышесказанного: «Праведные в намерении своём утверждаются более на благодати Божией, чем на собственной мудрости; и в Боге полагают упование свое, что бы ни предприняли, ибо человек предполагает, а Бог располагает, и не в человеке путь его».

- Гораздо ты учён по Писанию, - искренне удивился Александр. - Вроде и не духовного звания, бывший гвардейский поручик. В каторге к тому же пребывал... Чудно.

- Крещён я в нашу русскую православную веру, - сухо сообщил Парле. - Как и ты с братьями своими, небось... Все мы теперь братья во Христе!

- То-то и оно, что не так, - встряхнул головой Коростылёв-старший. - В нашем семействе купеческом один я истинной, старообрядческой веры придерживаюсь. В роду-то у нас все испокон веку кержаками были. Последователи протопопы Аввакума ярые. И сюда, на Аляску из Сибири-матушки переселились... А братья, что - пустое... Средний, Петро, как ты - никонианин, еретик по-нашенски, по-кержацки. Младший Юрка - мормон.

- Это кто ж такие? - спросил Николай Парле. - Что-то не слышать было о такой конфессии.

- Новая американская религия, брат, - охотно ответил купец

Коростылёв. – К примеру сказать, это вроде ихней протестанской секты. Какой-то Осип Смит основал, пророк американский... Да ты вон у Юрки порасспроси, он тебе всё подробно про них обскажет. Кое-что вроде как у нас, у кержаков. Водку, к примеру, пить запрещено, табачищем дымить. А есть заповеди – чисто мусульманские: гаремы у них дозволительно иметь, у мормонов. Чудно... Удивительно мне на Юрку глядеть и на протчих учёных миссонеров. Да и на тебя, Николай... не в обиду будь молвлено. Ну ладно мы, кержаки в десятом колене – простонародье сибирское. Соль земли, как говорится. А вас-то что, благородных, к Господу Богу сподвигнуло? О душе, чай, неспроста задумались.

– А нечему тут удивляться, – сказал Парле. – Тем более тебе, Александр Венедиктович. Ты мою жизнь знаешь, как облупленную, не в пример братьям своим... Мне ведь уже считай шестьдесят шесть лет от роду, брат. Всякого на своём веку навидался. Даже супротив царя бунтовал. Молодой был, глупый, горячий... Речей всяких завлекательных крамольных наслушался, книжек французских якобинцев поначитался, ну и потянуло в России-матушке лучшую жизнь для народа учинить. Без царя, чтобы – по конституции. Как во Франции, гляди...

– Так во Франции тогда вроде король правил? – удивлённо вскинул на собеседника глаза Александр Коростылёв. – Как раз в тот год коронация Карла X из династии Бурбонов была. Не так?

– Да знаю я. Но мы хотели республику. Как у них же, у французов, в 1792 году в революцию...

– Фамилия у тебя, Филиграныч, занятная... Не из немцев случайно? – деликатно спросил собеседник.

– Почти угадал, брат, – усмехнулся Парле. – Папенька мой, французский дворянин Филберт Парле, от якобинской гильотины в Россию бежал в конце прошедшего веку. Это его уж посла, при православном крещении поп Филиграном нарёк. А так я – Филбертович прозываться должен... Дела... Родитель, значит, от революции у нас спасался, а сынок его – я то есть – сам эту самую революционную кашу в стране заварил. Расхлёбывать вот до сей поры приходится.

– Жалеешь, небось, что вляпался в это дело? Дружки-собутыльники, видать, в крамолу втравили? Дело вестимо – петербургская гвардия... Цвет дворянства! Они вечно законных царей с трона скидывали и своих полюбовниц сажали. Это у них традиция, – глубокомысленно изрёк Коростылёв-старший.

- Нисколько не жалею, - качнул головой бывший декабрист Парле. - Да, мы проиграли, но в проигрыше - наша победа! И нас ещё вспомнят добрым словом потомки. А заберут ли тогда власть в свои руки? Прокляли бы нас как цареубийц... Ведь ты не знаешь, и на следствии это не выплыло - мы поначалу наметили убить Александра I. Благо - он сам в Таганроге помер.

- Где этот Таганрог? - поинтересовался Александр Коростылёв.

- Далече. У самого Азовского моря. Вблизи от крепости Дмитрия Ростовского, - ответил Николай Парле.

- Не слыхал. Я ведь, честно говоря, дальше Камчатки да Николаевска-на-Амуре больше нигде в России и не был. Так всю жизнь и проплавал в нашем Бобровом море. Правда, в Калифорнию, помню, ходил, в нашу крепость Росс, в американском Городе Ангелов бывал - Лос-Анжелесе, на Гавайях, - перебирал крупницы своей биографии моряк. - Я и родился здесь, в родимой земле, в Новоархангельске, тут же мореходную школу закончил. Посему и думаю, что ничего краше нет, чем Америка, - Родина, значит... Не так? А теперь вот и её предали! Жалко. Обустроилась тут Расея, крепкими ногами за моря встала, до самой до Калифорнии южной дотянулась. Живи, казалось бы, русский мужик, расширяйся. Володей землицей ничейной! Продали... Теперь вот - пуля нам на своей же земле. Смерть неминуемая...

- На Гавайях, говоришь, бывал? - задумчиво проронил Николай Парле. - Слыхал о таких островах, а вот лицезреть не доводилось. Ну и как там, теплынь, небось, как в Африке?

- Не совсем, но теплее, чем у нас, к примеру, в Новоархангельске, - окунулся в воспоминания Александр. - Мы отттудова везли соль, сандаловое дерево, тропические плоды, конечно, всякие, ну и кофе, сахар... Там антиресная история приключилась, капитан корабля рассказывал, на котором я в ту пору ходил. Власти наши российские планировали заселить острова староверами-поморами из Архангельской губернии, из России. Местные островные вожди, слышь, никак власть поделить не могли, то и дело враждовали промежду собой. И Александр Баранов, тогдашний главный правитель Русской Америки, предложил одному из гавайских князьков своё покровительство. Прозывали его Томари, что ли... Точно не упомню. В общем, в 1816 году, как раз посля Наполеона, перешёл тот вождь натурально в русское подданство. Там, на Гавайях наши соорудили пару-тройку русских форпостов. Хотели прибрать к рукам и Маршалловы острова да не получилось. К 1825 году, когда вы, Николай Филиграныч, в столице бунтовали,

русская власть на Гавайях ещё больше окрепла. Томари стал великим королём на Гавайях. При нём островные вожди своих детей учиться аж в столичные университеты отправляли, в самый что ни на есть Санкт-Петербург. Они там наукам разным выучились, первый русско-гавайский словарь составили и другие умные книжицы, Евангелие на гавайский язык перевели. Проповедники православные понаехали... Тут бы Российской империи и обосноваться твёрдо на островах, флот прислать, воинские гарнизоны. Островная, Гавайская Россия на карте бы появилась. Не так?.. Но в итоге власти наши в Петербурге на это не пошли, отказались от тех островов Гавайских и Маршалловых, как сейчас от Аляски. А жаль...

- На то они и цари, чтобы землями своими и народишком русским глупым по базарной цене торговать, - подал голос бывший декабрист Парле. - Мы ведь для них - что те папуасы гавайские.

- По базарной ли? - недоверчиво заглянул ему в глаза Александр.
- Это нам доложили, что за пять мильёнов долларов отдают Америку, а на самом деле? В три раза больше, небось. Токмо всё шито-крыто и позабыто... Поди, прознай правду-то... Она за семью печатями скрытая - на море-акияне, на острове Буяне. Как в той сказке старой про Коша Бессмертного... Так вот и она, Правда-то... смерть Кощея Бессмертного.

- Пять мильёнов американских денег? - скептически глянул на собеседника Николай Парле. - А знаешь ли ты, Александр, что у нас тут, в Русской Америке, от продажи шкур токмо одних каланов прибыль каждый год - миллионов по пяти наших рубликов чистоганом! А ты толкуешь...

Александр Коростылёв, помолчав, поправил шапку на голове, разгладив бороду, добавил:

- Это так, Филиграныч. А приплюсуй к этому «мягкой рухляди», то есть шкурку пушного зверя всякого, на сколь вытянет? А золота юконского, кое вы с туземцем Ванькою - царствие ему небесное - в горах изыскали? А верфи корабельные, в коих столь кораблей понастроено, что американцам и во сне кошмарном не снилось? Вот так-то, друг ты мой ситный...

Наступила минутная тишина. Несостоявшиеся золотоискатели раздумывали каждый о чём-то своём. Вздыхали, оглядывая безбрежную снеговую пустыню. Наконец, один из двух оставшихся в живых казаков, тот, что был ранен в плечо индейской стрелой, смахнув с головы лохматую шапку и перекрестившись, спросил у Александра Коростылёва:

- Что годить-то теперя, старшой? Тамо, у берега на реке сотни две, почитай, а то и три головорезов. Они нонче хозяева тута кругом, до самого до акияну Тихого, мериканосы... Сила солому ломит!

Александр взглянул на него рассеянно, и ничего не ответил. Подслеповато прищурил глаза от солнца. По щеке его стекала не то слеза, не то растаявшая снежинка.

Парле вместе с единственным уцелевшим каюром-алеутом и вторым казаком принялись долбить лопатами слежавшийся снежный наст, расчищая место для могилы убитому молодому индейцу Ивану.

Александр Коростылёв, задумчиво глядя на них, перекрестился по-раскольничьи, двумя перстами. Негромко окликнул бородача казака на нартах, на которых на деревянной мачте-флагштоке продолжал гордо развеваться флаг Российской империи.

- Поди, казак, пособирай валежника для костра, чтобы прогреть промёрзшую землю. Нужно могилку выкопать, похоронить по-божески хорошего русского человека.

Сам приблизился к нартам, решительно спустил с мачты российский трёхцветный флаг, и небрежно скомкав как ненужную тряпку, швырнул себе под ноги, на искрящийся на солнце северный юконский снег.

2013 - 2021

2013 - 2021 гг.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>